

Ю.Н. Смирнов*

**НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО И СТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ
В КОНЦЕ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ**

од заселения и освоения той территории Заволжья, которая до 1851 г. входила в Симбирскую, Саратовскую и Оренбургскую губернии, а затем составила Самарскую губернию, состав постоянных ее жителей и история возникновения новых населенных пунктов затрагивался в некоторых публикациях. Однако если сводные данные по численности и составу населения указанных земель для первой половины XIX в. уже приводились в нашем журнале¹, то более ранний период на рубеже указанных 18-го и 19-го столетий остался неосвещенным, что и вызвало обращение к нему в данной статье. Состояние историографии этой проблемы и источниковой базы ее изучения было отражено в научной литературе². Подчеркнем только использование здесь материалов Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), Государственных архивов Оренбургской и Ульяновской областей (ГАОО и ГАУО), Научного архива Русского Географического общества (НА РГО), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), отделов рукописей Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки (ОР РНБ и ОР РГБ).

Изменения административных границ на этих территориях, к сожалению, нарушают сопоставимость данных разного времени. Например, преемственность доступных исследователю сведений прерывается передвижками уездных рубежей в Оренбургской губернии, осуществленными дважды на рубеже XVIII-XIX вв., а также образованием в 1830-е гг. заволжских Николаевского и Новоузенского уездов Саратовской губернии.

Восстановить эту сопоставимость на уровне суммирования данных по отдельным селениям оказывается невозможным, что вызвано не только трудоемкостью такой работы. Дело в том, что, начиная с 4-й ревизии, копии ревизских сказок перестали откладываться в архивах столичных учреждений, а их подлинники на местах в силу состояния и постоянной гибели материалов провинциальных архивов дошли до нас в очень фрагментированном состоянии. Ревизские сказки в современных областных архивохранилищах представляют собой не полный комплекс подобных источников, а лишь коллекции по отдельным населенным пунктам и землевладениям.

* © Смирнов Ю.Н. – доктор исторических наук, декан исторического факультета Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Представляется, что приблизиться к искомой сопоставимости можно только, во-первых, на уровне общезаволжских итогов, а, во-вторых, по отдельным районам внутри Заволжского края, не всегда совпадающими с административным делением. В первом случае, погрешности, существенные на уровне отдельных уездов, будут становиться менее заметными в относительном своем значении для более обширного и многолюдного региона. Во втором случае, сопоставимость обеспечивается варьированием данных разнородных источников, сохранившимися и репрезентативными для конкретных территорий, среди которых можно выделить следующие:

I. Северное (Лесостепное) Заволжье (в составе целиком Ставропольского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского и упраздненного Сергиевского уездов и всех тех селений Самарского уезда, что лежат на левобережье Волги за исключением Екатерининской волости Орловых. В административном отношении эта северная половина Заволжья разделена между уездами Симбирской (Ставропольский и Самарский) и Оренбургской (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, упраздненный Сергиевский) губерний. Губернские границы здесь приблизительно соответствуют географическим ландшафтам Низкого (в Симбирской губернии) и Высокого (в Оренбургской) Заволжья.

II. Южное (Степное) Заволжье, в состав которого входят все заволжские территории Саратовской губернии (за исключением Царицынского, а позднее - Царевского уезда), левобережная часть Сызранского уезда Симбирской губернии, Екатерининская волость Орловых на самом западе луговой стороны Самарского уезда той же губернии. Губернские границы здесь выделяют: 1) северо-западный участок, находившийся в Симбирской губернии и расположенный по берегу Волги в месте изгиба ее течения с широтного на меридиональное направление, 2) основную часть этой территории, так называемое, Саратовское Заволжье в составе одноименной губернии.

С чисто природно-географической точки зрения к Степному Заволжью следовало бы отнести многие южные селения Самарского и Бузулукского уездов, но обозначить настолько точно ландшафтную границу просто невозможно. Здесь приходится следовать административному делению, которое несколько увеличивает население территории, условно отнесенной к лесостепной зоне.

Далее в тексте географические определения Северное (Лесостепное) Заволжье с подразделением на Низкое и Высокое, а также Южное (Степное) Заволжье с обозначенной выше разбивкой на отдельные участки будут употребляться для условного обозначения перечисленных районов взамен их определения развернутым описанием. В случае отсутствия возможности выделить указанные территории из погубернских или поуездных сведений будут употребляться также данные по административным единицам в целом.

Низкое Заволжье имело следующие состав и численность непривилегированного населения в 1781 г. (по ведомостям Самарского и Ставропольс-

кого уезда) и в начале XIX в. (по сведениям Генерального межевания). Для отдельных категорий жителей при подсчетах проводились уточнения по другим документам данного периода³:

Низкое Заволжье: Самарский (северо-западная часть) и Ставропольский уезды						
Сословия (непривилегированные)	пол	1781 г.		начало XIX в.		
		чел.	в % от всего непривилегирован ного населения	чел.	в % от всего непривилегированно го населения	в % от численности на 1781 год
горожане	м.п.	1245	3,3%	1644	2,7%	132,05%
	ж.п.			1570		
однودворцы, па- хотные солдаты	м.п.	3451	7,3%	5043	8,3%	146,13%
	ж.п.			5231		
служилые мурзы и татары	м.п.	1604	3,4%	2871	4,7%	178,99%
	ж.п.			2986		
экономические крестьяне, русские ясачные, непомнящие родства, крещеные и некрещеные ясачные, ямщики	м.п.	17621	37,3%	23355	38,4%	132,54%
	ж.п.			24201		
помещичьи кре- стьяне и дворовые	м.п.	12986	27,5%	19498	32,0%	150,15%
	ж.п.			19911		
удельные крестьяне	м.п.	550	1,2%	1768	2,9%	321,45%
	ж.п.			1788		
ВСЕ ПОДАТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ	м.п.	40365	85,5%	54179	89,0%	134,22%
	ж.п.			55687		
отставные военнослужащие	м.п.	3062	6,5%	3066	5,0%	100,13%
	ж.п.			3706		
казаки	м.п.	419	0,9%	706	1,2%	168,50%
	ж.п.			714		
калмыки	м.п.	3034	6,4%	2921	4,8%	96,28%
	ж.п.			2787		
персы	м.п.	320	0,7%	0		
	ж.п.					
ссылные	м.п.	26	0,1%	10	0,02%	38,46%
	ж.п.			6		
ВСЕ НЕПОДАТ-НЫЕ НЕПРИВИ- ЛЕГИРОВАННЫЕ	м.п.	6861	14,5%	6703	11,0%	97,70%
	ж.п.			7213		
Итого всех непривилегированных сословий	м.п.	47226	100,0%	60882	100,0%	128,92%
	ж.п.			62900		

По указанным выше источникам численность лиц привилегированных сословий на всей этой территории в начале XIX в. была следующей:

– дворяне, штаб и обер-офицеры (с членами семей) - 200 мужчин и 175 женщин, а всего 375 чел.;

– священно и церковнослужители (с членами семей) - 758 мужчин и 866 женщин, а всего 1624 чел.;

– все неподатное привилегированное население - 958 мужчин и 1041 женщин, а всего 1999 чел.

Общее число жителей на землях Низкого Заволжья в Симбирской губернии составило 61840 мужчин и 63941 женщин, а всего 125781 чел.

Северо-западные уезды Оренбургской губернии (Высокое Заволжье) имели в конце 1780-х гг. следующую численность податного населения (по донесениям губернских властей⁴):

Высокое Заволжье. Конец 1780-х гг. (чел.)							
Сословия	пол	Бугульма и уезд	Бугуруслан и уезд	Сергиевск и уезд	Бузулук и уезд	Всего	в % по сословиям
городские сословия	м.п.	673	711	428	456	2268	4%
	ж.п.	820	821	417	500	2558	
государственные крестьяне	м.п.	20584	11650	6786	3499	42519	72%
	ж.п.	20654	11479	7339	3520	42992	
помещичьи крестьяне	м.п.	1928	2927	5040	4186	14081	24%
	ж.п.	1918	2887	4901	4198	13904	
Все податное население	м.п.	23185	15288	12254	8141	58868	100%
	ж.п.	23392	15187	12657	8218	59454	
	об.п.	46577	30475	24911	16359	118322	
В % по уездам	об.п.	39%	26%	21%	14%	100%	

На рубеже XVIII-XIX вв. податное население этой территории выросло на 134 %, и общая численность всего населения, включая неподатное, достигла следующих цифр, зафиксированных в материалах Генерального межевания и частично приводившихся в литературе⁵:

Высокое Заволжье. Рубеж XVIII-XIX вв. (чел. об.п.)					
Сословия	Бугульма и уезд	Бугуруслан и уезд	Бузулук и уезд	Всего	в % от всех жителей
податное население				158277	87%
неподатное население				24064	13%
Все население	61414	78853	42074	182341	100%
в % по уездам	34%	43%	23%	100%	

Успехи освоения заволжских земель этой губернии у юго-восточных рубежей Европейской России на рубеже XVIII-XIX вв. были неоспоримы. Однако возможности этого освоения были далеко не исчерпаны. Эту ситуацию обрисовал в 1802 г. в своем топографическом описании П. Чичагов, назвавший Бузулукский, Бугурусланский, Бугульминский уезды с прилегающими к ним территориями других уездов хлебным «магазинным сей Оренбургской губернии», в котором, однако, оставалось еще много незанятой и незаселенной земли⁶.

Неподатное население мужского пола в заволжских уездах Оренбургской губернии в целом и по отдельным сословиям составляло нижеприведенные числа (по материалам ревизования губернии сенатором М.Г. Спиридовым⁷):

Высокое Заволжье. Рубеж XVIII-XIX вв.		
Сословия	Душ м.п.	В % по сословиям
ВСЕ НЕПОДАТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ	12032	100,0%
Из них: отставные нижние чины и их дети	6818	56,7%
казаки служащие, отставные, малолетки	1819	15,1%
башкиры	2936	24,4%
Итого непривлекшие люди	11573	96,2%
священники и церковнослужители	306	2,5%
помещики, заводчики, татарские князья и мурзы (проживающие в своих уездах)	153	1,3%
Итого привилегированные сословия	459	3,8%

До осуществления губернской реформы Екатерины II число жителей заволжских территорий Оренбургской губернии вместе с левобережьем Самарского уезда составляло примерно 85 тыс. чел. обоого пола⁸. На юго-во-

сточных окраинах прежней Казанской губернии, строго говоря, относящихся к исторической территории Закамья, но отошедших в состав Ставропольского и Самарского уезда в их новых границах, а потому и учтенных вместе с другими заволжскими территориями, проживало более 30 тыс. чел.⁹

Таким образом, в северной части Заволжья, взятой в изменившихся административных единицах, численность населения увеличилась за 1780-е - 1810-е гг. с приблизительно 115 тыс. чел. до 308122 чел. Это означает его рост почти в 2,7 раза. В сопоставимых границах население северо-запада Заволжья, вошедшего в Симбирскую губернию, выросло всего лишь менее чем на треть. Отсюда становится очевидным, что основной прирост жителей приходится на северо-восток края, находившийся в составе Оренбургской губернии.

Высокими темпами заселялся и волжский берег между устьями рек Безенчука и Чагры. Там население выросло в 3,1 раза, что показывают подсчеты данных ведомостей марта 1781 года об образовании Самарского и Сызранского уездов Симбирской губернии, сведений из вотчинного архива Орловых и материалов, собранных в ходе Генерального межевания¹⁰:

Левобережье Сызранского и Екатерининская волость Самарского уезда							
Территориальные и сословные группы крестьян	1781 г.		Начало XIX века				
	душ м.п.	%	душ м.п.	в % к 1781 г.	душ ж.п.	душ об.п.	%
Помещицы на левобережье Сызранского уезда	295	15,7%	2797	948,1%	2950	5747	47,7%
Помещицы в Екатерининской вол. Самарского уезда	1581	84,3%	2364	149,5%	2626	4990	41,4%
Помещицы всего	1876	100%	5161	275,1%	5576	10737	89,1%
Экономические на левобережье Сызранского уезда	0	0%	644		671	1315	10,9%
Итого крестьян	1876	100%	5805	309,4%	6247	12052	100%

Кроме того, здесь же были разбросаны многочисленные хутора сызранских горожан. Население их числилось по городу, но некоторые купцы и мещане перебрались фактически сюда на новое место жительства и обзавелись хозяйством. На хуторах имелся свой староста, к которому обращались чиновники местной администрации в случае необходимости¹¹. Четко прослеживается тенденция постепенного превращения заволжских сызранских хуторов в постоянные поселения.

Еще более впечатляющими были темпы заселения левобережных частей четырех уездов Саратовской губернии, где число лиц податных сословий, по данным Генерального межевания, достигло таких показателей¹²:

Кроме податного населения, в заволжских степях имелось и военно-служилое, что было вызвано непрекращающимися набегами кочевников. В течение 1782-1799 гг. казаками было похищено, не считая сумевших сбежать домой или тех, кого удалось отбить, 669 оседлых жителей, а за короткий период с начала 1799 по май 1800 гг. это число составило 177 чел. В их числе было немало жителей Степного Заволжья, которые пропадали ежегодно. Вот небольшой перечень примеров:

июль 1796 г. - с сенокоса в Саратовской губернии угнано 5 чел.;
август 1796 г. - у деревни Тягловки Вольского уезда захвачено 6 чел.;
июль 1799 г. - в самой деревне Чертанлы Саратовского уезда взято 3 чел.
и еще один близ нее при пастьбе скота;
август 1799 г. - попали в плен казак Узенской крепости и с ним 5 чел.¹³

Территориальные и сословные группы податного населения	Степное		Заволжье		
	душ м.п.	в % ко всему населению региона	в % к населению левобережных частей отдельных уездов	душ ж.п.	душ об.п.
Камышинский уезд	3231	7,7%	100,0%	3458	6689
в т.ч. помещичьи	25	0,1%	0,8%	28	53
удельные	325	0,8%	10,1%	347	672
колонисты	2376	5,7%	73,5%	2505	4881
малороссияне	110	0,3%	3,4%	162	272
одиндворцы и пахотные солдаты	392	0,9%	12,1%	411	803
государственные	3	0,0%	0,1%	5	8
Хвалынский уезд	11824	28,2%	100,0%	8104	19928
в т.ч. помещичьи	2822	6,7%	23,9%	2839	5661
удельные	2024	4,8%	17,1%	521	2545
одиндворцы и пахотные солдаты	2678	6,4%	22,6%	1039	3717
государственные	4300	10,2%	36,4%	3705	8005
Вольский уезд	18057	43,0%	100,0%	11953	30010
в т.ч. помещичьи	226	0,5%	1,3%	220	446
удельные	3938	9,4%	21,8%	2860	6798
колонисты	3376	8,0%	18,7%	3240	6616
малороссияне	1305	3,1%	7,2%	720	2025
одиндворцы и пахотные солдаты	3416	8,1%	18,9%	1501	4917
государственные	5796	13,8%	32,1%	3412	9208
Саратовский уезд	8860	21,1%	100,0%	3699	12559
в т.ч. удельные	277	0,7%	3,1%	242	519
колонисты	2451	5,8%	27,7%	2384	4835
малороссияне	4504	10,7%	50,8%	41	4545
одиндворцы и пахотные солдаты	89	0,2%	1,0%	62	151
государственные	1539	3,7%	17,4%	970	2509
Всего	41972	100,0%	100,0%	27214	69186
в т.ч. помещичьи	3073	7,3%		3087	6160
удельные	6564	15,6%		3970	10534
колонисты	8203	19,5%		8129	16332
малороссияне	5919	14,1%		923	6842
одиндворцы и пахотные солдаты	6575	15,7%		3013	9588
государственные	11638	27,7%		8092	19730

В 1778-1798 гг. из хивинского и бухарского плена было выкуплено 335 чел., угнанных прежде кочевниками, а в 1799 г. еще 8 чел. Цена выкупа обычно колебалась от 100 до 200 руб., но иногда достигала 300 руб.¹⁴ О заволжских степях ходила недобрая слава, отголоски которых слышались в рассказах старожилов даже в середине XIX века: «Простой народ недавно еще говорил: страшно туда ездить; там звери хищные рыщут стадами, и Киргизы губят людей и уводят их в плен. Приедут два или три ордынца с длинными уключинами в руках на стан к русскому, и, обобрав его начисто,

ускачут; а иногда и людей увезут в плен и продадут в Хиву. Иногда ограбят целое селение»¹⁵.

В середине мая 1788 г. была заложена Узенская крепость, а в 1803 г. окончательно оформилась Узенская цепь кордонов. Она имела 13 постов. Протяжённость линии составляла 2871 вёрст. Здесь несли службу 13 старшин, 197 казаков и 89 калмыков. Они охраняли селения по рекам Узеням, Иргизу и Караману и конвоировали проходящие к Оренбургу и обратно караваны. Без серьёзных изменений этот пограничный рубеж существовал до 1829 г.¹⁶

Население левобережной половины Саратовской губернии достигло в начале XIX в. 70 тыс. чел. В 1781 г. это население составляло до 28 тыс. чел.¹⁷ Однако без жителей Николаевской слободы и других селений в юго-восточной части Камышинского уезда, не вошедшей позднее в Самарскую губернию и потому не учтенной в вышеприведенной таблице, податное население собственно Степного Заволжья насчитывало до губернской реформы в сопоставимых границах немногим более 20 тыс. чел. Таким образом, примерно за 30 лет это население выросло здесь почти в 3,5 раза.

Несколько более быстрый рост населения на юге Заволжья не смог преодолеть сохранявшуюся неравномерность заселения его территории. Плотность населения по-прежнему снижалась по мере удаления от соседних регионов более раннего заселения с севера на юг и с запада на восток. Это отчетливо видно как в сравнении заселенности отдельных уездов, так и внутри них.

В Спасском и Чистопольском уездах Казанской губернии, включавших территорию исторического Закамья, плотность населения, по данным Генерального межевания, соответственно составляла 12,6 и 11,4 чел. на кв. версту. В пограничных с ними северных заволжских уездах она уже была заметно меньше. При этом в западном приволжском уезде, Ставропольском, она равнялась 7,9 чел. на кв. версту (на противоположной стороне Волги в Симбирском и Сенгилеевском уездах - 14,2-14,6 чел. на кв. версту), а в восточном Бугульминском составляла 5,6 чел. на кв. версту. Южнее Бугульминского располагался Бугурусланский уезд с плотностью населения в 4,7 чел. на кв. версту, а еще южнее - Бузулукский, где эта плотность равнялась всего 1,9 чел. на кв. версту¹⁸.

Даже внутри одной административной единицы прослеживалась неравномерность распределения населения в северных и южных селениях. В качестве примера можно привести подсчеты по Бузулукскому уезду, который пересекается течением р. Самары в широтном отношении на две приблизительно равные половины. Если во всех землевладениях здесь насчитывалось 21452 душ м.п. податного и неподатного населения, то из них на земельные дачи южной половины уезда приходилось только 4105 душ м.п., т.е. менее одной пятой¹⁹.

Освоенность заволжских территорий была гораздо слабее правобережья Волги, что отчетливо выявляется и в поуездных данных, и во внутриуездных пропорциях. В качестве примера можно привести Хвалынский уезд, где соотношение земельных угодий и населения между правобережными

и левобережными частями было типично для данных Генерального межевания²⁰;

Земельные угодья и население Хвалынского уезда								
Территории	Удобной земли	в том числе				Неудобья всего (дес.)	Общая площадь всего (дес.)	Население душ м.п.
	всего (дес.)	поселения (дес.)	пахня (дес.)	покосы (дес.)	лес (дес.)			
Уезд в целом	1025232	7703	299381	529959	188189	202134	1227365	47155
Луговая сторона	536433	1227	81010	443737	10459	126325	662758	11824
Доля луговой стороны	52%	16%	27%	84%	6%	62%	54%	25%

На составляющей свыше половины всей территории уезда луговой стороне проживала лишь четверть его населения. На долю левобережной части приходилось чуть более четверти пахотных земель и 16 % от площади жилых поселений. Трудности освоения были связаны не только с более поздним началом заселения луговой стороны, но и с объективными условиями. Здесь практически не было леса, а доля неудобий была выше, чем на правобережье. Преимущества луговой стороны заключались в обилии сенокосов, пастбищ и еще нераспаханных степей.

Вместе с тем левобережье Хвалынского уезда было заселено более плотно, чем лежащий восточнее и дальше от Волги Бузулукский уезд (3,2 чел. на кв. версту против 1,9 чел. на кв. версту). В более южных уездах Степного Заволжья плотность была еще меньше и составляла на луговой стороне Вольского, Саратовского и Камышинского уездов 0,2-0,4 чел. на кв. версту. В то же время на горной стороне последних трех уездов эта плотность была значительно выше и соответственно равнялась 5,0 чел. на кв. версту в Вольском уезде, 15,8 чел. на кв. версту - в Саратовском, 7,5 чел. на кв. версту - в Камышинском²¹.

В заселении территорий, лежащих к югу от р. Самары, наряду с представителями оседлых народов приняли участие и башкиры.

В рассматриваемый период времени росло не только сельское, но и городское население Заволжья. В основном русское по своему составу оно включало, как и прежде, и представителей иных национальностей, в том числе весьма экзотических. В 1784 г. в мещанство Бугуруслана был записан новокрещен Александр Максимов. Настоящим его именем было Мустафа сын Али, а родиной - Константинополь. Он служил янычаром, попал в плен, женился на русской крестьянке, прижил от нее детей, принял православие, да так и остался в России, благо, что обладал не только военной, но и мирной профессией, поскольку знал сапожное ремесло²².

Организация надежной обороны от кочевников, упрочение местных органов власти, подавление больших мятежей и локальных волнений, энергичная борьба с побегам и разбоями делали окраинные земли Юго-востока России все более привлекательными для помещиков. Участие их в освоении края становится более заметным по сравнению с предшествующим временем.

До последней четверти XVIII в. распространение помещичьего землевладения в Заволжье происходило относительно медленно. Дворянские вотчины имелись только в северных и приволжских районах края. На рубеже XVIII - XIX вв. дворянское землевладение интенсивно расширяется уже не только в лесостепной зоне, но и в Степном Заволжье. Помещичье землевладение росло за счет покупок земель, царских пожалований, прямых захватов, которые затем утверждались в ходе Генерального межевания. Проведение Генерального межевания стало важнейшей акцией правительства, необходимой для упорядочения землевладения, разрешения споров по поводу сельскохозяйственных угодий, поощрения к заселению и освоению новых территорий. В 1797 г. было объявлено о начале Генерального межевания в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях в полном масштабе. Это еще более стимулировало активность помещиков в приобретении земель и заселении их своими крепостными. Помещики были поставлены при этом в самые благоприятные условия.

В отношении казенных крестьян Межевая инструкция устанавливала 15-десятичную «пропорцию» на душу мужского пола, сверх которой угодья из их пользования изымались. Последнее часто происходило во вновь заселяемых районах, где вольные переселенцы занимали большие площади свободных земель. Так, при межевании у государственных крестьян села Титовки с окрестными деревнями и деревни Липяги было отрезано соответственно 11 тыс. и 3,5 тыс. дес. пахотной земли и покосов.

Пострадали и некоторые, как правило, не очень состоятельные помещики, которые, захватив свободные земли, не смогли их освоить и заселить, а потому вынуждено отдавали казне как «излишне присвоенные». В окрестностях Самары подобные потери понесли помещики Молостов и Стромиллова. У последней, владевшей деревней Подстепновкой, где было поселено всего 2 крестьянских двора и 20 жителей, отрезали в казну более 500 дес.²³

Однако, у крупных помещиков было достаточно возможностей, чтобы сохранить излишне занятые земли, если не в судебном, то в явочном порядке. Чтобы продолжать ими пользоваться произвольно или на условиях выгодной аренды, необходимо было не допустить освоения их переселенцами. Так, поступили «господа Самарин и Урусов», которые «по усильствам своим... наглостию согнали» деревню на р. Чагре при устье р. Черненькой, где в 1796 г. поселились 673 переселенца из Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерний. Несмотря на то, что эта земля была отчуждена от помещиков в казенное ведомство, а у новоселов было разрешение на переход от Саратовской казенной палаты, и хотя Вольский и Хвалынский нижние земские суды поддержали их, последним ничего не осталось как возвратиться на прежнее место жительства или подселиться в существующие заволжские поселки. При этом переселенцы понесли большие убытки, поскольку у них были разрушены строения, отнят скот и имущество на 3600 руб. «в виде буйственном тех господ управителей, их крестьян вооруженною рукою»²⁴.

В тех случаях, когда применение силы было неуместным, использовались другие способы сохранения за собой отрезанных в казну земель. В 1801 г. М.П. Искрицкому было пожаловано более чем 15 тыс. десятин, отрезанных в ходе межевания у Самариных, а также у их соседей Урусовых, Кокоскиных и княгини Голицыной. Ни Искрицкий, ни его наследники не сумели освоить эту землю и заселить ее своими крепостными. Она попала в аренду к крестьянам Самариных, была включена в хозяйственный оборот, а в 1833 г. Ф.В. Самарин выкупил ее окончательно у номинальных владельцев за 28 тыс. руб.²⁵

Вообще крупные землевладельцы гораздо чаще использовали Генеральное межевание с выгодой для себя, нежели терпели в ходе него какой-либо урон. В литературе уже приводились примеры тому из истории вотчины Орловых на Самарской Луке и в ее окрестностях²⁶.

Схожее отношение к переселениям на новые земли проявляли и другие дворяне. Г.Р. Державин писал своему управляющему в Бузулукский уезд в 1793 г.: «Перевод казанских крестьян, хотя я некоторых небольшим числом и позволяю, но надобно оной сделать с рассмотрением и перевести разве только тех, которые хороших домов и хлебопашества не имеют и по лености своей требуют особого вашего присмотру»²⁷.

Особенно трудно приходилось тем помещичьим крепостным, чьи хозяева от недостатка средств или от жадности предпринимали перевод на новое место жительства без надлежащей подготовки, которую осуществляли, например, во владениях Орловых или Державина. Известный публицист-«западник» К.Д. Кавелин признавался на страницах конфиденциального письма управляющему своего села Константиновского в Саратовском Заволжье в том, о чем никогда не говорил в печати: «Если мужики меня убьют, я буду говорить в минуту смерти: эти люди платят мне за грехи моих предков и они правы... Спросите у старых людей, хоть у Натальи, сколько их перемерло от того, что их переселили, а дворов у них не было!»²⁸

На фоне таких признаний классическая картина переселения, нарисованная С.Т. Аксаковым, смотрится идеальным наставлением в том, как следовало бы вести дело рачительному помещику, или преданием о добрых старых временах, в котором по свойству человеческой памяти стерлись воспоминания о плохом: «В ту же осень двадцать тягол отправились в Бугурусланский уезд, взяв с собой сохи, бороны и семенной ржи: на любых местах взодрали они девственную почву, обработали двадцать десятин озимого посева, то есть переломали непаренный залог и посеяли рожь под борону; потом подняли нови еще двадцать десятин для ярового сева, поставили несколько изб и воротились домой. В конце зимы другие двадцать человек отправились туда же и с наступившею весною посеяли двадцать десятин ярового хлеба, загородили плетнями дворы и хлевы, сбили глиняные печи и опять воротились в Симбирскую губернию, но это не были крестьяне, назначаемые к переводу; те оставались дома и готовились к переходу на новые места: продавали лишний скот, хлеб, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь». Схожими были и записи семейных преданий Рычковых-«Рожно-

вых», живших по соседству с Аксаковыми-«Багровыми»: «Петр Андреевич ездил в Симбирскую губернию, где у одного из помещиков купил три семейства крестьян. Новокупленные мужики явились к Петру Андреевичу в рублищах, так что он так же купил им одежду и дал денег на проезд и продовольствие дорогой. Переведенным мужикам были выстроены дворы, дан скот и они в короткое время сделались из нищих зажиточными крестьянами»²⁹.

Предания не договаривают, что даже предварительная установка дворов и заранее сделанный посев вовсе не гарантировали сносных условий жизни новоселов. Из документов видно, что положение крестьян, принудительно подвергнутых переселению, было в первые годы очень тяжелым даже в тех вотчинах, где была проведена необходимая подготовка к их переводу. Показательно обращение в 1806 г. в Усольскую вотчинную больницу с тяжелой степенью цинги («цинготными ранами») крестьян из с. Воскресенки. Представители вотчинной администрации Орлова сами признавали недостаток продуктов питания и других средств существования у жителей новых степных поселков, «кои навсегда в Самаре, под окошками купецких и других домов стоя, и просят милостины. Да не то что по городу, но даже и в смежных к Воскресенскому и Преображенскому деревням и от самых работ без ведома старосты Шадрина за милостынями отлучаются... А потому и пища их должна быть весьма недостаточна»³⁰.

Почти каждый из этих крупных помещиков имел благоприятную для организации переселений связку из землевладений на правом берегу и за Волгой. Подобным образом поступали, избавляясь от земельной тесноты и чересполосицы в местах давнего освоения, представители многих дворянских семей, которые старались обзавестись заволжскими целинными угодьями. Так, в 20 верстах от Сызрани располагалась дача села Репьевки с деревнями Ратовкой, Матруниной и Васильевкой. По данным Генерального межевания, 425 дворов и 3 тыс. крепостных принадлежали здесь 14 помещикам. Из них на долю статского советника В.Б. Бестужева приходилось 166 дворов и 1,1 тыс. крестьян. В этой ситуации на другом берегу Волги им были поселены собственные деревни Бестужевка и Яковьевка, в которых уже находилось 30 дворов и более 200 крестьян и имелось достаточно земли для дальнейших переселений³¹.

Постепенно возникали и другие крупные имения в Заволжье. В Бузулукском уезде из 100 помещичьих семейств большинство владело от 100 до 500 душ крепостных. А у знаменитого поэта и видного государственного деятеля Г.Р. Державина в этом уезде («как в жалованных землях покойному родителю моему, так и в купленных покойною матерью моею и собственно мною самим») в четырех селах и деревнях по реке Кутулуку насчитывалось около 900 крепостных. На северо-востоке Самарского уезда в 9 селениях помещика Зубова (Зубовка, Озерки, Краснощица, Дмитриевка и др.) жило 2,5 тыс. крестьян. На юго-западе того же уезда в пяти новых селениях, заведенных по Волге и Чагре, помещика Самарина (Владимировка, Озеречное, Спасское, Васильевское, Аннино) обосновалось до 4 тыс. чел.³²

Широко практиковалась покупка чужих крестьян на вывод для обживания многоземельных, но малолюдных имений. Так, Ф.М. Тимашевым в имение неподалеку от Сергиевска в конце XVIII в. к своим 515 крепостным людям обоюго пола было подселено 13 человек, полученных в приданное за женой, а также 143 человека, купленных у других владельцев³³.

Как и прежде, среди переселенцев встречались беглые, которым, правда, стало труднее легализовать свое положение. Впрочем, часто их помещики по возможности предпочитали не возвращать найденных людей в старинные места жительства, а водворяли их в новых заволжских поселках, что также соответствовало практике предшествующего времени. В 1784 г. отставной поручик Р.И. Ждамиров обнаружил среди бугурусланских государственных крестьян Агафона Иванова, бежавшего еще в 1769 г. из его деревни в Алатырском уезде. В ходе следствия выяснилось, что первоначально тот ушел на Иргиз, где провел 8 лет, а затем купил чужую отпускную. С ней он явился властям, получив разрешение поселиться и записаться в подушный оклад в Бугуруслане. По просьбе хозяина, беглеца не отправили на родину, а определили на жительство в д. Ждамировку соседнего Бузулукского уезда³⁴.

Межевая инструкция предусматривала также выделение земель для государственных и дворцовых крестьян, испытывавших недостаток в сельскохозяйственных угодьях. При нехватке казенной земли на прежнем месте жительства и в его окрестностях и желании занять ее до полной 15-десятиной «препорции» государственные крестьяне вынуждены были из плотно заселенных уездов правобережья перебираться в Заволжье, располагавшее незанятыми степными участками.

На казенных землях, так называемой «Уральской степи» к югу и востоку от г. Самары были «населены по открытию Симбирской губернии здешнею палатою переведенцами из разных селений» поселки государственных крестьян: Русские, Мордовские и Чувашские Липяги, Дубовый Умет, Чернореченская, Спиридоновка, Кольвань. Их население быстро росло. Если в 1783 г. в Дубовом Умете числилось 54 души м.п. ясачных и экономических крестьян, то в 1799 г. их уже было 164 души м.п. За тот же срок население Спиридоновки увеличилось со 121 души м.п. до 220 душ, а Чернореченской - с 27 до 123 душ м.п. Рост числа жителей происходил за счет переведенных «по позволению палаты». Кроме того, на землях этих трех поселков к началу Генерального межевания возникли еще два селения, Бобровка и Березовый Гай³⁵.

В 1801 г. Симбирская казенная палата по прошению экономических крестьян сел Студенца и Рачейки Сызранского уезда определила отдать им свободные земли при верховьях реки Безенчук. Земли отводились по норме Межевой инструкции на 277 переселенцев. Возникла деревня, первоначально названная Новым Студенцом, Безенчук тож (ныне село Студенцы)³⁶.

Переселенческие потоки на территории Симбирской губернии, где свободных и незаселенных пространств оставалось не очень много, да и располагались они невдалеке от уездной Самары, контролировались местны-

ми властями более тщательно, чем оренбургской администрацией. Случаев переселения в заволжские уезды еще пустынного и малолюдного Оренбургского края при посредстве казенных палат встречалось меньше, здесь «абсолютное большинство переселений государственных крестьян происходило самовольно»³⁷.

Власти и межевщики в восточных уездах Заволжья ставились, как правило, перед свершившимся фактом появления новых поселков на свободных землях. Так, документы очередной 5-й ревизии (1796) и Генерального межевания (1799-1802) зафиксировали существование ряда довольно крупных селений с несколькими сотнями жителей в Бузулукском уезде. Среди них Утевка, сложившаяся из четырех поселков и населенная как выходцами из ближней Красносамарской крепости, так и переселенцами из Пензенской, Тамбовской, Тульской губерний. Недалеко от нее возникла Домашка, основали которую украинские, русские, мордовские крестьяне из Тамбовской, Курской, Орловской губерний. Переходы из дальних мест сочетались с образованием выселков из здешних разросшихся селений. Еще в 1784 г. было дано разрешение «о дозволении к переселению на реки Боклу и Бугуруслан Канды(з)ской слободы жителям всего сту осми душам, и о взятии в согласном между ими, как доньше было, происхождении, яко то в платеже государственных податей и поставке рекрут подписки и о присылке оной...»³⁸

Отмеченное выше широкое переселенческое движение из губерний Черноземного Центра в Заволжье было явлением сравнительно новым. В XVIII в. в потоке здешних новоселов почти безраздельно преобладали выходцы из уездов, лежавших по Волге и ее притокам. Позднее дальние переходы становятся столь же обычным делом, как и прибытие новых жителей из более близких и доступных мест Правобережья и Верхневолжья. Такое изменение географии выходцев означало усиление роли русских в освоении заволжских пространств.

С 1799 по 1811 г. в Бузулукский уезд прибыло из Рязанской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской, Саратовской, Симбирской, Пензенской губерний и некоторых уездов Оренбуржья более 14 тыс. душ м.п., в основном русских государственных крестьян, а кроме того более 1066 душ м.п. крестьян мордовских, 363 души м.п. - чувашских, 230 душ м.п. - татарских. Более сложным в этническом отношении оставался поток переселенцев в северо-восточные уезды Заволжья, поскольку в нем большее значение сохраняли традиционные пути из многонациональных соседних губерний Средней Волги. Но и здесь русские составляли больше половины всего числа новоселов. За 1799-1811 гг. среди переселенцев в Бугурусланский (10,5 тыс. ревизских душ) и Бугульминский (19 тыс. душ) было соответственно: русских 6,3 тыс. и 9,1 тыс., мордвы 2,5 тыс. и 4,8 тыс., чувашей 1,7 тыс. и 4,4 тыс., а также несколько сот татар и тептярей³⁹.

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. По именному указу 1797 г. подтверждалось наделение организо-

ванных переселенцев из казенных крестьян «пропорцией» Межевой инструкции в 15 дес. на ревизскую душу, предоставлялось пособие (на семью 12 рублей) и освобождение на 3 года от выплаты податей и рекрутской повинности⁴⁰.

В 1805 и 1808 гг. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины, согласно которым первоочередное правило на переселение предоставлялось жителям малоземельных селений (в первую очередь имевшим менее 2,5 дес. наделной земли на душу м.п.), уточнялись нормы наделения землей, денежных ссуд, налоговых льгот⁴¹. Однако, как случалось нередко, многие из благих начинаний жили только на бумаге. Крестьяне чаще предпочитали «синицу» самовольного перехода «журавлю» обещаний, терявшемуся в недрах бюрократических учреждений.

Наряду с казенными, активно переселялись в Заволжье дворцовые крестьяне. Они реже продвигались вглубь неосвоенных районов, предпочитая оседать на еще весьма свободных землях удельного ведомства, тянувшихся, не удаляясь от Волги, от Черемшана до Иргиза. В 1794 г. в с. Верхнее Санчелеево под Ставрополем было переведено несколько десятков дворцовых крестьян из Краснослободского уезда Пензенского наместничества. Неподалеку возникли новые мордовские деревни Васильевка и Мусорка. Основателями последней стали пришедшие сюда в 1795 г. новокрещены из Алатырского (289 чел. об.п.) и Котьяковского уездов (53 чел.) Симбирского наместничества. Новокрещенная мордва (177 чел.) перешла тогда также из Алатырского уезда в Самарский в дворцовую деревню Спиридоновку. В 1791 г. «Федор Спиридонов с товарищи в числе 8-ми ревизских душ с семействами перешли» в Самарский из Карсунского уезда Симбирской губернии и основали д. Нижнюю Падовку. В 1793 г. появилась гораздо более многочисленная д. Верхняя Падовка (725 чел. об.п.), заселенная дворцовыми крестьянами из Алатырского уезда⁴².

Кроме соображений материальных, к переселению толкало стремление избежать на новом месте религиозных гонений. Вслед за старообрядцами, которым разрешили посеяться на Иргизе, туда же устремились сектанты-молокане. По совету основателя секты Уклеина, в 1792 г. из Балашовского уезда Саратовской губернии на Иргиз вышли 448 молокан и основали село Тяглое Озеро. Оттуда по мере увеличения числа жителей они расселялись в поселки и хутора по тому же Иргизу (Канаевка, Константиновка), по Чагре (Хворостянка, Острая Лука), по Моче (Сухая Вязовка, Яблоневый Овраг, Богдановка). «Во всех этих поселках уже в конце XVIII века молокан числилось 970 душ об. пола». Молоканские поселки возникали не только в вышеперечисленных местах будущего Николаевского уезда, но и в южной части Бузулукского. В 1809 г. на реке Съезжей беглые солдаты и крестьяне из молокан поставили первые 10 дворов в Алексеевке (Землянке). «Для избежания преследования со стороны начальства поселенцы старались совсем не делать дороги к своему селению и самые жилища поставили в овраге в далеком друг от друга расстоянии»⁴³.

В течение последней четверти XVIII и в начале XIX вв. заселение Самарского края интенсивно продолжалось. Поток крестьянской колонизации направлялся все дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного земледельческого освоения Заволжья и Приуралья.

Примечания

¹ См.: Смирнов Ю.Н. Рост населения на территории Самарской губернии и его состав в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 2000. №1.

² Смирнов Ю.Н. Итоги изучения правительственной политики и народного движения в ходе аграрного освоения юго-восточной окраины Европейской России в XVIII - первой половине XIX вв. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. В 2 кн. - Кн.1. - Вологда: Изд-во ВГПУ, 2009. - С.151-157; Смирнов Ю.Н. Архивные источники XVIII – первой половины XIX веков по истории распространения и укрепления российской государственности в Заволжье и Приуралье // Архивы и история российской государственности. - Вып. 1. - СПб.: СПбГУ, 2011. - С. 55-58.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 19об.-37об.; Ф. 248. Д. 4238. Л. 373-377об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1410, 1422, 1430; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026; ОР РНБ. Ф. 550 ОСРК. Q.IV.293. Л. 2об.-3.

⁴ Подсчитано по: Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 445-463.

⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 932, 1874, 1876; ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 837; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII - первая половина XIX в. М., 1984. С. 52; Кириков С.В. Человек и природа степной зоны. Конец X - середина XIX в. М., 1983. С. 69.

⁶ НА РГО. Раз. 26. Д. 19. Л. 8.

⁷ Подсчитано по: Материалы по истории Башкирской АССР. С. 387-390.

⁸ Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII - середина XIX вв.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999. С. 29.

⁹ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 25об., 34об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 19об.-37об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422, 1432; ОР РГБ. Ф. 219. Карт. 3. Е.х. 4. Л. 1об.-2.

¹¹ ГАУО. Ф. 113. Оп. 3. Д. 15. Л. 4, 12, 18 об.

¹² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1287-1288, 1303, 1316, 1305, 1338, 1348, 1366.

¹³ РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 363об., 366-372.

¹⁴ РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 90. Л. 373-388.

¹⁵ НА РГО. Раз. 48А. Д. 41. Л. 1об.

¹⁶ Новиков А. Заволжский кордон // Волга. 1995. №10. С. 173.

¹⁷ Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья. С. 29.

¹⁸ Кириков С.В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи в X - начале XIX вв. М., 1979. С. 119; он же. Человек и природа степной зоны. С. 69.

¹⁹ Подсчитано по: ЦГАСО. Ф. 388. Оп. 2. Д. 837.

²⁰ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1366.

²¹ Кириков С.В. Человек и природа восточноевропейской лесостепи. С. 114; он же. Человек и природа степной зоны. С. 62, 68.

²² ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 83 - 85 об.

²³ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 1038-1040.

²⁴ РГИА. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 - 4 об., 25 и об.

²⁵ ГАУО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 182. Л. 1, 3, 45, 73.

²⁶ Смирнов Ю.Н. Население и землевладение в эпоху Генерального межевания // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI - первая половина XIX века. М., 2000. С. 179-182.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 247 Державин. Т. 18. Л. 32.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 548. Кар. 4. Е.х. 29. Л. 40 об. - 41.

²⁹ Рычков Н. Отрывок из семейных записок Рожновых. Окончание // Библиотека для чтения. 1862. № 2. С. 24.

³⁰ Артамонова Л. М. Лекарь из Вены на Самарской Луке // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 68.

³¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1425. Л. 40 об. - 42; Д. 1432. Л. 104 об., 107, 125-130.

³² ОР РНБ. Ф. 247 Державин. Т. 18. Л. 3; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1432. Л. 74; Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 53; Ведерникова Т. И. Государственная политика насаждения помещичьего землевладения в Самарском Заволжье в конце XVII - XVIII вв. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 64, 67.

³³ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 454. Л. 9.

³⁴ ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 1а. Л. 7, 22-23, 213.

³⁵ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Д. 3896. Л. 3, 7, 12.

³⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422. Л. 45; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 558. Л. 64 об.

³⁷ Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 92.

³⁸ ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 4. Л. 42, 229 и об.

³⁹ Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 92-93.

⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 26. № 19500.

⁴¹ Тарасов Ю.М. Указ. соч. С. 89-90.

⁴² ГАУО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 16. Л. 619-628, 652-659 об., 692 об., 700, 706 об., 708, 725, 727 об.; Д. 17. Л. 739-740.

⁴³ Смирнов Ю.Н. Население и землевладение. С. 184.